

В. Ю. Мурзин

НЕ ДАЮТ МНЕ ПОКОЯ НОМАРХИ...

В очередной раз в данной статье мы вынуждены обратиться к нашему пониманию места номархов в социальной структуре скифской военно-политической организации и критериям выделения погребальных сооружений номархов из общего массива скифских погребальных памятников.

Ключевые слова: курганы, Скифия, трехчленная структура скифского объединения, удельно-лестничная система престолонаследия, скифские цари, номы, скифские номархи.

Характер общественного строя скифов и социальная структура скифского военно-политического объединения всегда привлекали и привлекают пристальное внимание исследователей скифской истории и культуры. Предметом споров время от времени становятся и отдельные частные вопросы, связанные с этой общей и объемной проблемой.

Так, например, в последние годы возникла достаточно активная дискуссия относительно сущности скифских номов и месте номархов в социальной пирамиде скифского общества.

Так уж случилось, что основными ее участниками стали я (Мурзин 2015а; Мурзин 2015b) и Т. М. Кузнецова (Кузнецова 2009; 2018). В этой связи мне представляется необходимым пояснить некоторые затронутые Т. М. Кузнецовой вопросы. Речь не идет о моем задеме самолюбия, а о том, что у меня складывается впечатление, что мы с Татьяной Михайловной изъясняемся на разных языках, что вызывает необходимость внести дополнительную ясность в этот вопрос.

Так, мои соображения по поводу общественного строя скифов Т. М. Кузнецова охарактеризовала как фантазии, которые лишь отвлекли меня от вопроса о номархах.

© В. Ю. МУРЗИН, 2019

Но трудно предположить, что мой оппонент не понимает — рассматривать частное можно лишь пояснив свою трактовку общего. Если конкретнее — я (Мурзин 2014, с. 39—53) склонен считать скифское общество близким к раннефеодальному, осложненному, как и другие общества такого типа, рядом пережитков родо-племенного строя (например, основанная на вымышленном кровном родстве родо-племенная структура скифской орды) и элементами рабовладения.

Раннефеодальный уклад зиждился на сочетании коллективной собственности на землю и частной собственности на скот (Бунятян 1984; 1985), что обуславливало личную независимость каждого члена общества, способного вести самостоятельное хозяйство. При этом феодальные отношения между сюзеренами и вассалами строились на основе повиновения и покровительства — «патроната», что было характерно для феодального воинского сословия (Блок 2003, с. 434).

Да, существуют и другие реконструкции общественного строя скифов — и это вполне понятно, ведь базируются они во многом на субъективном подходе того или иного ученого.

В этой связи нельзя не вспомнить Алексея Ивановича Тереножкина, который в таких случаях любил повторять: «Разве мы чего знаем?». Действительно, многого мы не знаем, но о многом можем догадываться благодаря косвенным данным и наличию письменных свидетельств о более поздних кочевниках.

Насколько я понимаю, Т. М. Кузнецова (2018, с. 21) достаточно прохладно относится к идее привлечения этнографических материалов по более поздним кочевникам, а напрасно.

И скифы, и гунны, и ранние тюрки, и печенеги, и половцы (этот ряд легко можно допол-

нить) вели одинаковый образ жизни, экономической основой которого было экстенсивное кочевое скотоводство. Из этого следует, что и особенности общественного устройства, и институты власти должны были иметь у них схожие формы.

Возьмем, к примеру, триадный принцип построения скифского военно-политического объединения. Действительно, деление скифской орды¹ на три царства зафиксировано Геродотом (IV, 120) лишь в его рассказе о событиях скифо-персидской войны конца VI в. до н. э. При этом следует понимать, что под тремя царствами Геродот понимал, несомненно, обычное для кочевых обществ деление на два крыла и центр. Его неточность вполне объяснима — во-первых, ни с чем подобным он раньше не сталкивался, во-вторых, главы «крыльев» — младшие «цари», будучи вассалами верховного владыки, обладали немалой властью в отношении зависимых от них лиц. Поэтому Геродота можно понять — ведь и намного позднее Марко Поло (Книга... 1990, с. 206) назвал главу левого крыла Улуса Джучи «царем», «который никому не подвластен».

Достаточно хорошо в настоящее время понятен и процесс формирования триадной структуры кочевого общества (Стратанович 1974; Карагодин 1984). Предшествовала ей дуальная структура кочевого союза, в котором более сильные племена составляли, обычно, правое крыло, а менее привилегированные — левое. Если кочевому объединению удавалось покорить иные народы, дуальная организация превращалась в триадную — выделялся «центр» как орган военно-политической власти, состоявший из наиболее привилегированной части кочевого общества, которая, опираясь на «природных» подданных (обычно «правое крыло» нового кочевого объединения), удерживали власть над покоренными группами населения, объединенных в «левом крыле» новой военно-политической организации.

По нашему мнению, таким же образом сформировалась и трехчленная структура скифского объединения, что стало результатом покорения пришлыми протоскифами местного киммерийского населения.

Однако Т. М. Кузнецова (2018, с. 19) полностью исключает такую возможность, поскольку целиком доверяет данным Геродота, согласно которому (Геродот IV, 11), к приходу скифов степи Восточной Европы были безлюдны, ведь согласно его рассказу, киммерийцы покинули эти земли перед лицом надвигавшейся угрозы. Однако Татьяна Михайловна забывает, что все свои сведения Геродот черпал от своих скифских информаторов. Рассказывая ему о периоде «обретения родины» им важно было подчерк-

нуть законность своего права на занятые территории. В этом случае вариант «безлюдной земли» подходил как нельзя лучше, ибо исключал саму возможность появления каких-либо других потенциальных наследников (если говорить современным юридическим языком).

Между тем, археологические данные свидетельствуют совсем об ином. Так, некоторые погребальные комплексы со смешанным — новочеркасского и скифского типа, инвентарем выявлены, например, на Северном Кавказе, что уже неоднократно отмечалось (см., напр.: Мурзин 1990, с. 20, рис. 9—10). Еще более показательны материалы Келермесских курганов. Найденные в них уздечные наборы (Галанина 1983) подразделяются на две группы — декорированные геометрическим орнаментом в традициях позднейшей предскифской культуры и оформленные в скифском зверином стиле. Как справедливо заметил М. П. Грязнов (1950, с. 69—70; 1980, с. 49—50), кони в курганах кочевой аристократии являются подношениями погребенному от подвластных ему кочевых подразделений. Соответственно, власть раннескифских «царей», по материалам Келермесса, распространялась не только на «природных» подданных — протоскифов, но и на покоренные ими позднейшее предскифское население степной полосы Восточной Европы, т. е. киммерийцев. Поэтому термин «скифы» для этой эпохи скорее всего надо понимать более как политоним, чем как этноним.

Таким образом, трехчленная структура скифского объединения сложилась не позднее начала VII в. до н. э. О ее существовании в конце VI в. до н. э. рассказывает Геродот. Мы не видим причин, по которым скифы могли отказаться от нее позднее. Тем более, что принцип трехчленного устройства был обычен для кочевников и лежал в основе административно-территориального деления, например, практически всех тюркских образований. Не будем ради экономии места конкретизировать эти примеры, тем более, что этот вопрос достаточно полно изложен А. М. Хазановым (Хазанов 1975, с. 128—129). Далекие отголоски такой трехчленной структуры ощущались даже в Османской империи, армия которой делилась на три войска: Придворное, Анатолийское и Румелийское (Записки янычара 1978, с. 101).

Мы связываем потомков киммерийцев, вошедших в состав скифской орды в качестве, вероятно, ее левого крыла, со скифами-*υεωροῖ* Геродота (IV, 18), что опять-таки вызывает недоумение у Т. М. Кузнецовой. Однако на это указывает тот факт, что территорией обитания последних была, судя по всему, Гилея и прилегающие участки степи (Мурзин, Ролле 1998; Мозоловский 2005, рис. 7), т. е. места, не особенно приспособленные для полноценного ведения кочевого хозяйства. Такое полукочевое хозяйство в сочетании с кормовой базой плавневых лесов и прилегающих участков степи,

1. Выражение «орда» в данном случае носит более литературный, чем исторический характер. Так же как и выражение: «татаро-монгольские орды» и пр.

позволяло не только содержать значительное количество скота, но и расширить состав его стада за счет включения в него не только традиционных для кочевников коней и овец, но и КРС. Не случайно И. М. Дьяконов (Дискуссионные... 1980, с. 130) предложил считать Геродотовых скифов-γεωργοί (то есть, в переводе с греческого, скифов-земледельцев) огреченым названием скифы-«gau-varga», то есть тех скифов, «которые разводят скот».

При этом более привилегированные подразделения скифской орды, как и у других кочевников южного пояса Евразии, предпочитали глубинные степные пространства. Например, кочевья скифов-царских, считавших всех остальных скифов своими рабами, занимали территории Северного Приазовья, получившими позднее наименование «Дикого поля» или «Пустополя», поскольку являются самым засушливым регионом северопрichernоморских степей, и степной Крым, также не отличающийся особой увлажненностью. Однако именно эти районы — степное Приазовье (летописное Лукоморье) и степной Крым, были подлинным раем для кочевников с обильными пастбищами, достаточным количеством водоемов¹ и сравнительно низкими зимними температурами.

Территория обитания скифов-кочевников, которые, по нашему мнению, были «природными» подданными скифов-царских, вероятно, примерно совпадала с кочевыми угодьями Джедишкульской орды ногайцев (Мурзин, Ролле 1998) — ведь как бы не менялись кочевые народы на определенной территории, их кочевья пролегли по одним и тем же маршрутам, поскольку последние были обусловлены физико-географическими особенностями региона.

Этот маршрут пролегал вдоль р. Конка к ее истокам, а далее вдоль р. Берда. Заметим, что ранее эти реки были гораздо полноводнее. Известно, например, что в 1616 г. запорожские казаки во главе с гетманом П. Сагайдачным напали на крымскую Кафу и турецкие порты в Анатолии (даже разорили предместья Стамбула), а затем вернулись на Сечь, проведя свои «чайки» через Керченский пролив, Азовское море, Берду и Конку. А теперь, после всего сказанного, вернемся к скифским номам.

Как мы уже писали ранее (Мурзин 2015а, с. 21—22; Мурзин 2015b, с. 64), под номами, с нашей точки зрения, следует понимать отдельные племена, входившие в состав «центра» и двух «крыльев» скифского объединения. Т. М. Кузнецова (2018, с. 18—19) не соглашается с этим, указывая, что данные о племенной структуре скифской орды в письменных источниках отсутствуют. Это действительно так, даже в наиболее полном рассказе о скифах, ко-

торые содержатся в труде Геродота, подобные сведения не зафиксированы.

Но следует иметь в виду следующее:

1. Главной целью «Скифского рассказа» Геродота было описание событий скифо-персидской войны конца VI в. до н. э., а его описание Скифии и ее населения является, по сути, описанием Театра военных действий. В этом плане возможная племенная структура скифского объединения играла для него второстепенную роль.

2. Его рассказ базировался, в основном, на данных его скифских информаторов. Поскольку скифские племена были не только административными, военными, но и территориальными² единицами скифского кочевого объединения, возможно упоминаемые скифскими собеседниками племена могли легко вызвать у него ассоциацию с египетскими административно-территориальными областями — номами.

3. Но, самое главное, родо-племенная структура характерна практически для всех кочевых народов, поскольку идеологически обосновывала единство кочевого объединения. В условиях подвижного образа жизни это единство осознавалось лишь на основе признания общего происхождения и кровного родства, по большей части мифического (Марков 1976, с. 69).

Кем же были владельцы скифских номов или скифские номархи? У меня не вызывает сомнения, что для скифского политического образования как и для большинства раннегосударственных образований как кочевых, так и оседлых (например, Киевская Русь), была характерна удельно-лествичная (улусно-лествичная у кочевников) система престолонаследия. Ее характерной особенностью была передача власти не в рамках одной семьи по нисходящей линии, а в рамках всего правящего рода — от старшего брата к младшему, затем к старшему племяннику и т. д. При этом путь к верховной власти начинался с самых незначительных уделов. Такая система передачи власти имела и свои положительные (невозможность ее передачи малолетнему наследнику), так и отрицательные (по причине многочисленности членов правящего рода в рамках рода зачастую происходили династические конфликты) стороны.

У нас нет прямых доказательств существования такой системы престолонаследия у скифов, но косвенными свидетельствами в пользу такого предположения являются глухие отголоски династических интриг у скифов, две из которых, учитывая их кровавую развязку (истории Анахарсиса

1. В Приазовье основными источниками воды были реки Берда, Обиточная, Молочная, в Крыму — Салгир и его притоки.

2. Даже при перекочевках скифов-царских и скифов-кочевников по закрепленным за ними маршрутам каждое племя, в зависимости от своего социального статуса, численности и, следовательно, численности воинов и пр., двигалось по определенным участкам степи — вдоль левого или правого берега рек, с большим или меньшим травостоем, на удалении или близости от источников воды.

и Скила), прочно остались в народной памяти и были пересказаны Геродотом (IV, 76—80).

В этом плане вполне вероятно (это сугубо мое личное мнение), что представители царского рода возглавляли не только «крылья» скифского политического объединения (по Геродоту — младшие, второстепенные «цари»), но и номы. В таком случае путь к верховной власти должен был начинаться с владения самым незначительным и наименее престижным номом (уделом).

Как считает Т. М. Кузнецова (это явствует даже из названия ее работы, изданной в 2018 г. — «Скифские цари и номархи — “держатели котлов”»), надежным археологическим индикатором принадлежности погребенного к сословию этой высшей скифской аристократии является наличие в составе погребального инвентаря бронзовых котлов.

Не будем в связи с этим затрагивать мифический «котел царя Арианта», поскольку он не что иное, как символ единства скифского народа¹, а остановимся на реальных бронзовых котлах, обнаруженных в скифских погребениях.

Сравнительно недавно они стали предметом изучения в работах А. В. Ромашко (2015а; 2015b и др.), в том числе диссертационной. Согласно автору, размеры таких котлов позволяют выделить по этому признаку несколько групп котлов — от миниатюрных (объемом до 7,7 л) до котлов-гигантов (объемом от 72,5 л и более).

По наблюдениям М. В. Грицкока большинство скифских котлов имеет объем от 10 до 45 л. Далее он предположил, что объемы котлов могут дать представление о структуре скифского войска и количественном составе скифских отрядов, питавшихся из одного общего котла. Он подошел к делу с военной прямолинейностью (что неудивительно, поскольку его кандидатская диссертация, легшая в основу книги, была выполнена в стенах Национальной Академии обороны Украины, да и сам он, вероятно, носит погоны), применив для подсчетов современные нормы питания для военнослужащих Украины. В результате, по его мнению, норма питания скифского воина составляла от 0,45 до 0,95 л. Таким образом, в скифском войске преобладали небольшие отряды — от 10 до 100 воинов (Грицкок 2009, с. 105—108).

Несмотря на явную искусственность такого подхода, какая-то сермяжная правда в его подсчетах присутствует. Во всяком случае, становится ясно, что котлы, прежде всего, применялись по своему прямому предназначению — для приготовления повседневной и ритуальной (например, поминальной) пищи. В этом смысле котлы были символом домашнего очага, символом семьи².

1. Не случайно этот котел, по преданию, был отлит из наконечников стрел, принесенных каждым скифом (Геродот IV, 81).
2. Интересно, что в Крымском ханстве даже в XVIII в. численность населения подсчитывалась по казанам (котлам), т. е. численности семей, которые назывались «казанларами» (Тунманн 1991, с. 21).

Однако известен и один поистине гигантский котел объемом около 250 л (случайная находка у с. Осокоровка, выставлен в экспозиции Национального музея истории Украины). При этом самые маленькие котлы имеют объем около 1 и 1,7 л³.

Естественно, самые маленькие котлы объемом мене 3 л утилитарного значения не имели — их размер не позволял приготовить пищу даже для членов индивидуальной семьи (у кочевников, обычно, она состояла из 5 человек), а носили символический характер, будучи знаковым атрибутом семьи.

Вполне закономерно, что у представителей высшей скифской аристократии котлы были больших размеров — во-первых, в силу многочисленности домочадцев (жены, наложницы, дети) и ближайших приближенных, разделявших трапезу со своим сюзереном.

Во-вторых, котлы свидетельствовали о том, что их владелец является «кормильцем» определенного коллектива людей. Если глава малой индивидуальной семьи был ее кормильцем в буквальном смысле, то на более высоком таксономическом уровне — от главы рода до верховного царя Скифии, «кормление» подразумевало не только разумную организацию кочевого хозяйства и контроль за распределением прибавочного продукта, но и обеспечение коллектива добавочным продуктом за счет внешнеэксплуататорской деятельности (поборы с торговцев, двигавшихся речными и сухопутными путями, взимание дани с покоренных народов, военная добыча и пр.). В этом смысле показателен рассказ о могущественном половецком хане Кончаке, который был способен перенести свой котел через Сулу, т. е. перейти со своей ордой границы Древней Руси и совершить грабительский набег (Плетнева 1982, с. 22—23).

И, наконец, о главном упреке Т. М. Кузнецовой в мой адрес. Так, она пишет (Кузнецова 2018, с. 18), что я «забыл о цели своей работы, а когда вспомнил, то сделал вывод о том, что сейчас нельзя говорить о каких-то определенных критериях выделения погребений скифских номархов среди значительного массива курганов скифской аристократии», поскольку стремление, к этому, на его взгляд, чересчур самонадеянно».

Однако я по-прежнему настаиваю на своем мнении. За более развернутой аргументацией отсылаю читателей к своим прежним работам (Мурзин 2015а; Мурзин 2015b), а здесь постараюсь объяснить свою мысль на самом простом, можно даже сказать примитивном, примере.

Создается впечатление, что в представлении Т. М. Кузнецовой верхушка скифской кочевой орды (или, как ей больше нравится, «социума») была строго ранжирована: верховный царь — младшие цари — номархи. А своеобразными знаками отличия их ранга были бронзовые

3. Благодарю за консультацию А. В. Ромашко.

котлы соответствующих размеров. В определенном смысле это напоминает современную армейскую структуру.

Но даже в ней нет правил без исключений. Возьмем, к примеру, чтобы никого не обидеть, уже несуществующую советскую армию (раз уж существует опыт классификации котлов на котлы «взводные», «ротные» и т. д., попробуем и мы пойти этим необычным, но очень наглядным путем).

Как мы еще помним, в ее составе были соединения тактического и оперативно-тактического уровня (в моем представлении это примерно соответствует задачам, выполняемым воинскими формированиями номов): дивизия (должность командира соответствует званию генерал-майора) и корпус (должность командира соответствует званию генерал-лейтенанта). Однако командиры «придворных» Таманской и Кантемировской дивизий явно занимали в военной иерархии более высокое положение, чем командир расквартированного в Поволжье или Сибири корпуса. Еще чем-то третьим и иным было положение командиров наиболее боеготовых дивизий, входивших в группы советских войск за рубежом, особенно в группу советских войск в бывшей ГДР.

Надо ли говорить, что и социальный, и имущественный статус номархов в зависимости от количества воинов в его номе, а также знатности данного подразделения скифской орды, были также весьма различными. Сказанное выше касается и младших царей. Более того, номарх, стоявший во главе одного из номов (племен) скифов-царских мог превосходить по своему социальному положению «младшего царя», возглавлявшего наименее привилегированное крыло («царство») скифского кочевого объединения.

А если учесть, что в состав высшей скифской аристократии могли входить не только, скажем, так, «управленцы» — младшие цари и номархи, но и военачальники, прославившиеся не своей знатностью, а воинскими победами, а также помощники верховного царя (на нынешнем языке — советники), имевшие опыт деятельности в той или иной сфере жизни скифского кочевого объединения¹, и другие лица, о функциях которых мы можем только догадываться, картина получается довольно пестрая. Учитывая это, еще раз могу повторить: пока с уверенностью мы можем выделять курганы верховных скифских царей (и не по наличию в них котлов, а по грандиозности погребений, количеству захоронений сопровождающих лиц, количеству конских погребений и по металлу, из которого изготовлены украшения конской узды) и курганы рядовых скифов.

1. Например, один из информаторов Геродота (IV, 76) был Тимн, опекун царя Ариапифа, а затем вероятно, представитель скифского царя в Ольвии.

Все попытки «привязать» бронзовые котлы лишь к статусу скифских царей и номархов, по-моему, обречены на провал. Конечно, можно даже рассуждать на основании котла, найденного в женской гробнице Толстой Могилы, что погребенная в ней женщина «могла быть дочерью и даже наследницей в роду «номарха», вышедшей замуж за «родственника царя», не имевшего в своем распоряжении значительного количества зависимого населения, о чем свидетельствует сопровождавший его в могилу маленький сосудик в форме котла (Кузнецова 2018, с. 47). Фантазировать в таком духе можно до бесконечности.

Однако хочется подчеркнуть, что наука и фантастика, пусть даже «научная», две абсолютно разные по своей сути вещи.

ЛИТЕРАТУРА

- Блок, А. 2003. *Феодальное общество*. Москва: Издательство им. Сабашниковых.
- Бунятян, Е. П. 1984. К вопросу о материально-технической базе кочевых обществ. В: Генинг, В. Ф. (ред.). *Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ*. Киев: Наук. думка, с. 109-124.
- Бунятян, Е. П. 1985. О формах собственности у кочевников. В: Генинг, В. Ф. (ред.). *Археология и методы исторических реконструкций*. Киев: Наукова думка, с. 21-43.
- Галанина, Л. К. 1983. Раннескифские уздечные наборы (по материалам Келермесских курганов). *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 24, с. 32-50.
- Грицок, В. М. 2009. *Військо скіфів (озброєння, організація, війни та воєнне мистецтво)*. Київ; Чернівці: Місто.
- Грязнов, М. П. 1950. *Первый Пазырыкский курган*. Ленинград: Государственный Эрмитаж.
- Грязнов, М. П. 1980. *Аржан: Царский курган раннескифского времени*. Ленинград: Наука.
- Дискуссионные... 1980. Дискуссионные проблемы отечественной скифологии. *Народы Азии и Африки*, 5, с. 102-130.
- Записки янычара*. 1978. Написаны Константином Михайловичем из Островицы. Москва: Наука.
- Карагодин, А. И. 1984. Дуальная организация у приволжских калмыков. *Советская этнография*, 5, с. 25-36.
- Книга... 1990. *Книга Марко Поло*. Алма-Ата: Наука.
- Кузнецова, Т. М. 2009. Археологические маркеры погребения «номарха». *Старожитності степового Причорномор'я і Криму*, XV, с. 79-85.
- Кузнецова, Т. М. 2018. Скифские цари и номархи — «держатели котлов». *Stratum plus*, 3, с. 17-55.
- Марков, Г. Е. 1976. *Кочевники Азии: Структура хозяйства и общественные организации*. Москва: Наука.
- Мозолевський, Б. М. 2005. *Етнічна географія Скіфії*. Київ: Наукова думка.
- Мурзин, В. Ю. 1990. *Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса*. Киев: Наук думка.
- Мурзин, В. Ю. 2014. *Скифская проблема глазами автора*. Киев: Олег Філюк.
- Мурзин, В. Ю. 2015а. Проблема визначення поховань скіфських номархів. *Археологія*, 1, с. 19-29.

Мурзин, В. Ю. 2015b. О погребениях скифских номархов. В: Дашковский, П. К. (ред.). *Элита в истории древних и средневековых народов Евразии*. Барнаул: АлГУ, с. 61-71.

Мурзин, В. Ю., Ролле, Р. 1998. «Царские» скифы и их локализация. В: Вилинбахов, Г. В. (ред.). *Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. К 100-летию со дня рождения М. И. Артамонова*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, с. 53-54.

Плетнева, С. А. 1982. *Кочевники Средневековья: поиск исторических закономерностей*. Москва: Наука.

Ромашко, А. В. 2015а. Метрические характеристики металлических котлов и социальное положение их держателей. *Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки»*, 1 (5), с. 90-99.

Ромашко, О. В. 2015b. *Металеві казани скіфської культури (VII—III ст. до н. е.)*. Автореферат к. і. н. Київ.

Стратанович, Г. Г. 1974. Военная организация триадного типа и ее судьбы. В Илишкин, И. К. (ред.). *Проблемы алтаистики и монголоведения*. Элиста: КНИИЯЛИ, I: Серия литературы, фольклора и истории, с. 220-230.

Тунманн. 1991. *Крымское ханство*. Симферополь: Таврия.

Хазанов, А. М. 1975. *Социальная история скифов*. Москва: Наука.

REFERENCES

- Blok, A. 2003. *Feodalnoye obshchestvo*. Moskva: Izdatel'stvo im. Sabashnikovykh.
- Bunyatyayn, E. P. 1984. К вопросу о материально-технической базе кочевых обществ. In: Gening, V. F. (ed.). *Fridrikh Engels i problemy istorii drevnikh obshchestv*. Kiev: Naukova dumka, s. 109-124.
- Bunyatyayn, E. P. 1985. О формах собственности у кочевников. In: Gening, V. F. (ed.). *Arkheologiya i metody istoricheskikh rekonstruktsiy*. Kiev: Naukova dumka, s. 21-43.
- Galanina, L. K. 1983. Ranneskifskiy uzdechnyye naborы (po materialam Kelermesskikh kurganov). *Arkheologicheskii sbornik Gosudaarstvennogo Ermitazha*, 24, s. 32-50.
- Hrytsiuk, V. M. 2009. *Viisko skifiv (ozbroiennia, orhanizatsiia, viiny ta voienne mystetstvo)*. Kyiv; Chernivtsi: Misto.
- Gryaznov, M. P. 1950. *Pervyy Pazyryk'skiy kurgan*. Leningrad: Gosudarstvennyy Ermitazh.
- Gryaznov, M. P. 1980. *Arzhan: Tsarskiy kurgan ranneskifskogo vremeni*. Leningrad: Nauka.
- Diskussionnyye... 1980. Diskussionnyye problemy otechestvennoy skifologii. *Narody Azii i Afriki*, 5, s. 102-130.
- Zapiski yanychara*. 1978. Napisany Konstantinom Mikhaylovichem iz Ostrovitsy. Moskva: Nauka.
- Karagodin, A. I. 1984. Dualnaya organizatsiya u privolzhskikh kalm'kov. *Sovetskaya etnografiya*, 5, s. 25-36.
- Kniga... 1990. *Kniga Marko Polo*. Alma-Ata: Nauka.
- Kuznetsova, T. M. 2009. Arkheologicheskiye markery pogrebeniya «nomarkha». *Starozhytnosti stepovoho Prychornomoria i Krymu*, XV, s. 79-85.
- Kuznetsova, T. M. 2018. Skifskiyе tsari i nomarkhi — «derzhateli kotlov». *Stratum plus*, 3, s. 17-55.
- Markov, G. E. 1976. *Kochevniki Azii: Struktura khozyaystva i obshchestvennyye organizatsii*. Moskva: Nauka.
- Mozolevskiy, B. M. 2005. *Etnichna heohrafiia Skifii*. Kyiv: Naukova dumka.
- Murzin, V. Yu. 1990. *Proiskhozhdeniye skifov: osnovnyye etapy formirovaniya skifskogo etnosa*. Kiev: Naukova dumka.
- Murzin, V. Yu. 2014. *Skifskaya problema glazami avtora*. Kiev: Oleg Filyuk.
- Murzin, V. Yu. 2015a. Problema vyznachennia pokhovan skifskiykh nomarkhiv. *Arkheologia*, 1, s. 19-29.
- Murzin, V. Yu. 2015b. О погребениях скифских номархов. In: Dashkovskiy, P. K. (ed.). *Elita v istorii drevnikh i srednevekovykh narodov Evrazii*. Barnaul: AIGU, s. 61-71.

Murzin, V. Yu. Rolle, R. 1998. «Tsarskiy» skify i ikh lokalizatsiya. In: Vilinbakhov, G. V. (ed.). *Skify. Khazary. Slavyane. Dreunyyaya Rus. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya M. I. Artamonova*. Sankt-Peterburg: Gosudarstvennyy Ermitazh, s. 53-54.

Pletneva, S. A. 1982. *Kochevniki Srednevekovia: poisk istoricheskikh zakonornostey*. Moskva: Nauka.

Romashko, A. V. 2015a. Metricheskiye kharakteristiki metallicheskikh kotlov i sotsialnoye polozheniye ikh derzhateley. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskiye nauki»*, 1 (5), s. 90-99.

Romashko, O. V. 2015b. *Metalevi kazany skifskoi kultury (VII—II st. do n. e.)*. Avtoreferat k. i. n. Kyiv.

Stratanovich, G. G. 1974. Voenneyaya organizatsiya triadnogo tipa i eye sudby. In: Ilishkin, I. K. (ed.). *Problemy altaitiki i mongolovedeniya*. Elista: KNIIYaLI, I: Seriya literatury. folklor i istorii, s. 220-230.

Tunmann. 1991. *Krymskoye khanstvo*. Simferopol: Tavriya.

Khazanov, A. M. 1975. *Sotsialnaya istoriya skifov*. Moskva: Nauka.

V. Yu. Murzin

THE NOMARCHES BOTHER ME...

This article is a kind of response to the work of T. M. Kuznetsova, in which she argues that a reliable indicator of the burials of Scythian «kings» and nomarchs is the presence of bronze boilers in the grave goods.

We are still confident that quite definitely we can select from the total mass of Scythian burials only the tombs of the supreme «kings» of Scythia (and not so much by the presence of boilers, but by other signs) and the burials of ordinary Scythians.

It is impossible to isolate the burials of the Scythian «younger kings» and nomarchs from a significant array of funerary monuments of the highest Scythian aristocracy, including by the presence of boilers.

This is explained by the fact that the social and property status of the nomarchs, depending on the number of soldiers in his nome, as well as the nobility of this unit of the Scythian horde, were very different. All the foregoing applies to younger kings as well. Moreover, the nomarch, who was at the head of one of the nomes (tribes) of the Scythians-royals, could surpass the «younger king», who led the least privileged wing («kingdom») of the Scythian nomadic community.

And if we consider that the highest Scythian aristocracy could include military leaders, who became famous not for their nobility, but for military victories, as well as assistants to the supreme king (in the current language — advisors), who had management experience, and others whose functions we can only guess, the picture that emerges is quite variegated, so we hardly ever succeed to understand it, due to the limitedness of our knowledge.

Keywords: kurgans (burial mounds), Scythia, the three-member structure of the Scythian union, the lestva system of the succession to the throne, Scythian kings, nomes, Scythian nomarchs.

Одержано 11.12.2018

МУРЗИН В'ячеслав Юрійович, доктор історичних наук, професор, Мелітопольський інститут державного та муніципального управління «КІПУ», Каховське шосе 8/2, Мелітополь, Запорізька обл., 72300, Україна, vmurzin@ukr.net; vmurzin@gmail.com.

MURZIN Viacheslav Yuriyovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Melitopol Institute of State and Municipal Administration «KPU», Kakhovskoe Highway, 8/2, Melitopol, Zaporizhzhia Region, 72300, Ukraine, vmurzin@ukr.net; vmurzin@gmail.com.